

Окончательное покорение Восточнаго Кавказа — Чечни и Дагестана

(1859 — 1909 гг.).

«Кавказъ—это огромная крѣпость, защищаемая полумиліоннымъ гарнизономъ. Надо штурмовать ее или овладѣть траншеями. Штурмъ будетъ стоить дорого, такъ поведемъ же осаду!»

(Слова *А. П. Ермолова*).

Нолвѣка назадъ, а именно 25-го августа 1859 г. изъ самаго нѣдра горъ Дагестана раздалась и облетѣла всю Россію счастливая и давно желанная вѣсть о знаменательномъ для Россіи и славномъ для нашей арміи на Кавказѣ событіи—взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля, которымъ закончилась долготлѣтная, почти вѣковая, кровавая война за покорение Восточнаго Кавказа—Чечни и Дагестана.

Болѣе шестидесять лѣтъ продолжался штурмъ этой гигантской крѣпости; вся энергія стариннаго мусульманства сосредоточилась въ Кавказскихъ горахъ. Борьба была неистовая, пожертвованія страшныя, но Россія не отставала и все преодолѣла. Кавказская армія вынесла эту великую борьбу, полную непреодолимыхъ трудностей въ неприступныхъ горахъ и страшныхъ, измѣнчивыхъ ущельяхъ и вышла изъ нея побѣдительницей, вписавъ цѣлый рядъ новыхъ блестящихъ страницъ въ исторію Россіи и увѣнчавъ себя неуязвимою славой. Воинственные, свободолюбивые и гордые на-

роды, населявшіе всѣ нѣдры Кавказскихъ горъ отъ моря Каспійскаго до военно-грузинской дороги, пали къ стопамъ Императора Александра II.

«*Слава Тебѣ, Господи! И честь и Слава тебѣ и всѣмъ нашимъ Кавказскимъ молодцамъ!*», собственноручно начерталь въ Своемъ рескриптѣ фельдмаршалу князю Барятинскому Императоръ Александръ II, въ отвѣтъ на его донесеніе о взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля.

Покореніе Кавказа выпало на долю фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго и его славнаго сподвижника, бывшаго начальника главнаго штаба Кавказской арміи, и нынѣ еще здравствующаго генераль-фельдмаршала графа Д. А. Милютина, а начало Кавказской войны совпадаетъ съ первымъ годомъ минувшаго столѣтія, когда совершилось добровольное присоединеніе къ Россіи Грузіи. Это событіе опредѣлило новыя отношенія государства къ полудикимъ племенамъ Кавказа; изъ заграничныхъ и чуждыхъ намъ они сдѣлались внутренними, и Россія по необходимости должна была подчинить ихъ своей власти. Отсюда-то и возникла многолѣтняя и кровавая борьба.

«Занятіе Закавказскихъ областей,—говоритъ Р. Фаддѣевъ,— не было ни случайнымъ, ни произвольнымъ событіемъ въ русской исторіи, а оно подготовлялось вѣками и было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собою. Первое появленіе русскихъ на Кавказѣ относится къ сѣдой старинѣ.

Поступательное движеніе Россіи къ Кавказу.

Еще въ 965 году дружины Святослава проникнувъ за Кубань, побѣдили у подошвы Кавказскаго хребта яссовъ и косооговъ, нынѣшнихъ осетинъ и черкесовъ. Въ X же вѣкѣ варяго-русы водворились на полуостровѣ Тамани, а Мстиславъ удалой велѣ войны противъ косооговъ. Знаменитая грузинская царица Тамара въ первомъ бракѣ была за княземъ Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго.

Отъ пришедшихъ съ Георгіемъ русскихъ въ Грузіи осталось потомство, способствовавшее сношеніямъ съ Московскимъ государствомъ.

Грузинскіе цари искали сближенія съ Россіей, предлагали вассальное подданство, предпочитая быть въ зависимости отъ единовѣрной страны, чѣмъ терпѣть притѣсенія сосѣднихъ Турціи и Персіи. Въ Москву непрерывно снаряжались посольства съ прось-

бой о защитѣ съ желаніемъ цѣнной подданства стать подъ высокую руку Московскаго государства. Но въ своемъ политическомъ ростѣ Россія не достигла тогда еще подножія Кавказскаго хребта, почему и не въ состояніи была оказывать какую-нибудь реальную помощь народамъ, искавшимъ ея покровительства. Съ уничтоженіемъ же татарскаго ига и съ покореніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ Россія уже входитъ въ постоянное соприкосновеніе съ Кавказомъ.

Въ половинѣ XVI вѣка на сѣверныхъ предгоріяхъ хребта самобытно образовалось казачье войско. Гребенскіе казаки участвуютъ въ депутаціи кабардинскихъ князей, прибывшихъ въ Москву въ 1555 году съ просьбою о покровительствѣ. Царь Іоаннъ Грозный «подарилъ» казаковъ, какъ поется въ ихъ исторической гребенской пѣснѣ рѣкою вольною—Терокомъ могучимъ и приказалъ для поддержанія ихъ и кабардинцевъ при устьѣ Терека построить крѣпость и городъ Терки.

Казаки явились первыми піонерами въ дѣлѣ колонизаціи сѣвернаго Кавказа, прочное овладѣніе которымъ они и закрѣпили; замкнувъ рядомъ своихъ станицъ и все пространство близъ моря Каспійскаго до моря Чернаго, какъ поется въ Терской казачьей пѣснѣ—

„И длинной вереницей,
Какъ стая журавлей,
Станица за станицей
Селились вдоль степей...“

Правительство не замедлило оцѣнить высоко государственное значеніе казачества на Кавказѣ и всѣми мѣрами начало содѣйствовать его развитію. Казаки прочно водворяются на рѣкахъ Терекѣ, Малкѣ и нижней Сунжѣ, образуя въ 1567 году Терское воеводство, а впоследствии, съ 1577 г.—Терское и Кизлярское казачье войско.

Въ года Руси печальные
Родились казаки,
И въ дебряхъ Волги-матушки
Вскормилися они.

И сильными ватагами,
Стремяся вдаль впередь,
Раздвинули Русь-матушку
И вдоль, и поперекъ.

Ихъ подвиговъ свидѣтели
Ураль, Иртышъ и Донъ,
Кубань и Терекъ славные,
И разныхъ рѣчекъ сонмъ.

Такъ поется въ той же Терской казачьей пѣснѣ, сочиненной П. Т. Кулебякинымъ.

Въ томъ же XVI в. покровительства Россіи ищутъ пятигорскіе черкесы, кабардинцы и кубанскія племена, а русскія войска въ первый разъ проникаютъ въ Дагестанъ.

Съ древнихъ временъ здѣсь были извѣстны самостоятельныя владѣнія: шамхальство Тарковское, ханства—Дербентское, Мехтулинское, Кубинское, Бакинское, удмѣйство Кайтагское, нѣкоторыя болѣе мелкія провинціи и вольныя общества. Сильнѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ владѣній считалось шамхальство.

Нѣсколько вѣковъ шамхалы имѣли въ полномъ подчиненіи большую часть Дагестана, но затѣмъ многія селенія отложились и составили отдѣльныя владѣнія.

Грузинскіе цари не разъ обращались съ просьбой о защитѣ ихъ противъ покушеній шамхаловъ, и хотя противъ «государя шевкаловъ» московскіе цари посылали своихъ воеводъ, но занятая въ то время своимъ внутреннимъ строительствомъ, а затѣмъ и смутами Москва не могла удѣлять Кавказу столько вниманія, сколько онъ заслуживалъ. И только гениальный царь Петръ, въ своемъ стремленіи къ морю, правильно оцѣнилъ значеніе Каспійскаго моря, какъ пути торговли съ Востокомъ. Расширеніе активной торговли съ Средней Азіей вообще стало излюбленной мечтой Царя, и съ этой цѣлью въ 1716 году имъ была снаряжена особая экспедиція съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ во главѣ. Послѣднему было поставлено, между прочимъ, въ обязанность: изслѣдовать устье и русло Аму-Дарьи и о возможности повергнуть ее «паки въ прежній токъ» — по направленію къ Каспійскому морю.

5-го августа 1722 г. самъ Петръ предпринимаетъ экспедицію къ берегамъ Каспійскаго моря, которая заканчивается присоединеніемъ къ Россіи обширныхъ владѣній горскихъ народовъ. Отплывъ изъ Астрахани и высадившись на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ, Петръ выждалъ здѣсь свою конницу, слѣдовавшую сухимъ путемъ, двинулся прибрежьемъ моря къ Таркамъ. Шамхалъ Тарковскій Адиль-Гирей устроилъ Императору на р. Сулакѣ торжественную встрѣчу. Посѣтивъ шамхала въ его дворцѣ, Петръ двинулся къ Дер-

бенту. Каптагскій уцмій султанъ Махмудъ хотѣлъ воспрепятствовать движенію, но былъ разбитъ, и столица его разорена.

Въ этотъ походъ Петра Великаго покорились ханства: Дербентское, Кубинское и Бакинское, которыя по трактату 1722 г. признаны Персіей за Россіей. Было сдѣлано великое дѣло. Былъ перекинутъ мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую Россію отъ Грузіи.

Однако, Россія не долго пользовалась плодами своихъ завоеваній. Преемники Великаго Петра не оцѣнили его великихъ предначертаній, и въ царствованіе Анны Іоанновны, 10-го марта 1735 г., по Ганжинскому трактату, всѣ пріобрѣтенія на берегахъ Каспійскаго моря были возвращены Персіи, и даже было признано ея главенство надъ народами Дагестана...

Кавказская линія.

Только прозорливость и блестящій государственный умъ Екатерины Великой направили политическое бытіе Россіи по пути, указанному Великимъ Преобразователемъ. Императрица, прекрасно понимавшая замыслы Петра Великаго, обратила вниманіе на далекій Кавказскій край и, въ видахъ усиленія его оборонительныхъ средствъ, повелѣла заложить въ 1763 году на Терекѣ крѣпость Моздокъ и перевести въ 1770 г. съ Волги часть Волжскихъ казаковъ. Казаки эти были поселены на лѣвомъ берегу Терека, между Моздокомъ и гребенскими городками, подъ именемъ Моздокскаго полка. Такимъ образомъ, линія казачьихъ поселеній на Терекѣ удлинилась почти вдвое и, опираясь на два сильныхъ укрѣпленныхъ пункта, Моздокъ и Кизляръ, послужила началомъ учрежденія «*Кавказской линіи*», впоследствии развернувшейся отъ моря Каспійскаго до моря Чернаго.

По заложеніи Азовско-Моздокской линіи и подъ ея прикрытіемъ приступлено было къ колонизаціи степей Сѣвернаго Кавказа, которая пошла такъ успѣшно, что 1783 году признано было уже своевременнымъ учредить на Кавказѣ Намѣстничество изъ двухъ губерній, Кавказской и Астраханской съ главнымъ городомъ въ Екатериноградѣ.

Новая линія начиналась отъ Екатеринограда, при впаденіи р. Малки въ Терекъ, пересѣкала прикавказскія степи въ сѣверо-западномъ направленіи черезъ крѣпость св. Дмитрія (Ростовъ) и оканчивалась у Азова. Для заселенія и обороны этой линіи, состоявшей изъ десяти крѣпостей, въ томъ числѣ Георгіевска и Ста-

врополя, переведены съ Волги остальные части Волжскихъ казаковъ, а также казаки, жившіе на р. Хопрѣ; они образовали два новыхъ поселенныхъ казачьихъ полка Волгскій и Хоперскій.

Присоединеніе Грузіи къ Россіи.

Во время управленія Намѣстничествомъ двоюродного брата Свѣтлѣйшаго П. С. Потемкина, съ 1783 года начались сношенія съ Грузіей, гдѣ въ то время царствовалъ знаменитый Ираклій II. Безпрерывныя внѣшнія войны съ окружающими мусульманскими государствами довели Грузію до полного разоренія, и Ираклій II рѣшилъ просить императрицу Екатерину II о принятіи его царства подъ покровительство Россіи. Эти сношенія съ христіанской Грузіей вполне входили въ расчеты императрицы, стремившейся продолжать восточную политику Петра Великаго. И вотъ 24 іюля 1783 г. въ г. Георгіевскѣ былъ подписанъ договоръ, по которому царь Ираклій призналъ надъ собою верховную власть и покровительство русскихъ императоровъ, обѣщая не искать вассальной зависимости отъ Персіи или той державы, объявлялъ о готовности способствовать пользѣ Имперіи.

Съ своей стороны Россія обязывалась охранять цѣлость и неприкосновенность Грузіи и царствующей династіи Багратіоновъ. Вслѣдъ за заключеніемъ договора въ Тифлисъ были отправлены два егерскихъ баталіона подъ начальствомъ полковника Бурнашева.

Въ то время какъ на сѣверномъ Кавказѣ устраивалась крѣпкая граница, обезпечивавшая Кавказскую линію отъ набѣговъ черкесскихъ племенъ, положеніе дѣлъ за Кавказскимъ хребтомъ вынудило императрицу обратить на себя вниманіе. Дѣло въ томъ, что персидскій шахъ Ага-Магометъ-Ханъ, родоначальникъ нынѣ царствующей династіи Каджаръ, рѣшилъ отомстить Грузіи, за грузино-русскій договоръ 1783 года, считая Грузію своимъ вассальнымъ владѣніемъ.

Царь Ираклій, узнавъ о военныхъ приготовленіяхъ персіянъ къ вторженію въ Грузію, просилъ императрицу о присылкѣ войскъ, но пока шли переговоры, Ага-Магометъ-Ханъ въ маѣ 1795 года вторгся въ Грузію съ 80-ю тысячною арміей. Несмотря на геройское сопротивленіе царскихъ дружинъ у стѣнъ Тифлиса подъ предводительствомъ самаго Ираклія и царевичей: Давида, Ивана и Юлона, Ага-Магометъ-Ханъ вступилъ въ столицу Грузіи и приказалъ разрушить ее до основанія.

Для возмездія за раззореніе Грузіи, находившейся уже подъ покровительствомъ Россіи, въ 1796 г. былъ сформированъ экспедиціонный корпусъ подъ начальствомъ графа Валеріана Зубова, который предпринялъ походъ по всему побережью Каспійскаго моря, отъ Терека до устья Кузви, и покорилъ кромѣ Дербентскаго ханства, еще Кубинское, Бакинское и Шемахинское. Всѣ ханы и владѣтели спѣшили изъявить покорность.

11 января 1798 г. умеръ царь Ираклій, въ 1799 г. былъ назначенъ въ Грузію русскій министръ—резидентъ Коваленскій, и 17 егерскій (нынѣ лейбъ-гренадерскій Эриванскій Его Величества) съ 4 орудіями, подъ начальствомъ генерала Лазарева, 26 ноября торжественно вступилъ въ Тифлисъ для постоянного пребыванія въ Грузіи.

Георгій XII, желая предотвратить отъ всякихъ случайностей судьбу своего царства, поручилъ своимъ уполномоченнымъ искать болѣе тѣснаго соединенія съ Россіею—принятіемъ Грузіи въ подданство. Прошеніе грузинскихъ посланниковъ разсматривалось въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и манифестомъ 18 января 1801 года Грузія была присоединена къ Россіи. Престоль остался незамѣщеннымъ, и Грузія вошла въ составъ владѣній Россійской Имперіи.

Съ восшествіемъ на престоль императора Александра I состоялось перенесеніе административнаго центра Кавказскаго края съ «Линіей» по ту сторону хребта—въ Тифлисъ. 12 сентября 1801 г. былъ объявленъ знаменитый манифестъ о присоединеніи Грузинскаго царства, и первымъ главнокомандующимъ былъ назначенъ генераль Кноррингъ, которому подчинялась и вся передовая «Кавказская линія».

Первые главнокомандующіе въ Грузіи до назначенія генерала Ермолова (1801—1816 г.).

Изъ всѣхъ нашихъ главнокомандующихъ въ Грузіи за этотъ періодъ первое мѣсто безспорно принадлежитъ ген.-лейт. Кн. П. Д. Циціанову, который пользовался репутаціей доблестнаго воина и выдающагося государственнаго дѣятеля. Много поработалъ онъ надъ устройствомъ дѣлъ какъ на Кавказской линіи, такъ и въ Грузіи. На Кавказской линіи онъ принялъ строгія мѣры къ обузданію сосѣднихъ горскихъ племенъ, особенно кабардинцевъ, не прекращавшихъ свои набѣги на линію. Съ цѣлью лучшаго ея при-

крытія онъ рѣшилъ построить укрѣпленіе близъ Кислыхъ водъ, названное впослѣдствіи Кисловодскомъ.

Отлично справился Циціановъ и съ сложной задачей—успокоить взволнованную Грузію; въ 1803 г. покорилъ Джаробелоканскихъ лезгинъ, и съ ними вмѣстѣ русское подданство приняло султанство Елисуйское; въ томъ же году принялъ въ вассальную зависимость отъ Россіи Мингрелію; въ 1804 году Циціановъ взялъ штурмомъ Ганжу и ханство, которое подъ названіемъ Елисаветпольскаго округа присоединено къ Россіи, какъ древнее достояніе Грузіи; царь Имеретинскій Саломонъ II также просилъ о подданствѣ; присоединилъ ханство Карабахское и Шекинское, взялъ Баку, но 8 февр. 1806 г., когда онъ приблизился къ крѣпости, чтобы принять отъ Гуссейнъ-Кули-Хана городскіе ключи, изъ ханской свиты раздался предательскій выстрѣлъ, и Циціановъ упалъ убитый наповаль.

При Паулуччи весь Кавказскій край для удобства управленія имъ раздѣленъ, на двѣ совершенно самостоятельныя части: Закавказье и Сѣверный Кавказъ, а во время управленія Ртищева, послѣ блестящихъ побѣдъ Котляревскаго подъ Асландузомъ и Ленкоранью, 12 окт. 1813 г. былъ заключенъ Гюлистанскій договоръ, по которому Персія отказалась въ пользу Россіи отъ всѣхъ прикаспійскихъ провинцій.

Въ это время весь горный поясъ Кавказскаго перешейка влоть отъ Чернаго до Каспійскаго моря въ длину, отъ Кубани и Терека до южнаго склона главнаго хребта въ ширину, былъ занятъ независимыми и враждебными намъ племенами. Только двѣ дороги связывали Закавказскія области съ Россіей: одна Дарьяльская, проложенная съ незапамятныхъ временъ по ущелью Терека черезъ самую средину Кавказскаго хребта, гдѣ по словамъ поэта—

Въ глубокой тѣсинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Темнѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ высокой и тѣсной,
Царица Тамара жила...

Другая дорога шла по берегу Каспійскаго моря. И тамъ, и здѣсь могли проходить лишь колонны, готовыя всякую минуту дать отпоръ непріятелю.

Населеніе горъ, несмотря на коренныя различія между племенами по наружному типу и языку, всегда было проникнуто совер-

шенно одинаковымъ характеромъ въ отношеніи къ сосѣдямъ, кто бы они ни были: характеромъ людей, до того сроднившихся съ хищничествомъ, что оно перешло къ нимъ въ плоть и кровь. «Кавказскіе горцы»,—говоритъ Р. Фадѣевъ,—въ теченіе тысячелѣтій, не заимствовали отъ окружающихъ народовъ ничего кромѣ усовершенствованій въ оружіи; въ этомъ дѣлѣ они были въ высокой степени переимчивы; во всемъ прочемъ между ними и сосѣдями не происходило никакого умственного сопротивленія».

По свидѣтельству того же современника Кавказской войны сравнивать въ отношеніи воинственнаго духа и энергіи Кавказскихъ горцевъ съ алжирскими арабами или кабилами, изъ которыхъ французское краснобайство сдѣлало страшныхъ противниковъ, можетъ быть только смѣшно. Никогда алжирцы, ни въ какомъ числѣ, не могли взять блокгауза, защищаемаго 25-ю солдатами. Адыги же и лезгины брали голыми руками крѣпости, гдѣ сидѣлъ цѣлый Кавказскій баталіонъ; они шли на картечь и штыки тоже неустрашимыхъ людей, рѣшившихся умереть до одного, взрывавшихъ въ послѣднюю минуту пороховые магазины, и все таки—шли; заваливали ровъ и покрывали брустверъ своими тѣлами, взлетали на воздухъ вмѣстѣ съ защитниками, но овладѣвали крѣпостью.

Въ восьмисотыхъ годахъ разбой былъ главнымъ ремесломъ горцевъ, какіе договоры поэтому были возможны съ ними, раздѣленными въ добавокъ на сотни независимыхъ обществъ? Тотъ же писатель приводитъ случай, когда кавказское начальство потребовало отъ Кюринскаго общества, сравнительно образованнѣйшаго между лезгинами, чтобы оно уняло своихъ разбойниковъ, то кюринскіе старшины отвѣчали: мы честные люди, земли пахать не любимъ, живемъ и будемъ жить разбоемъ, какъ жили наши дѣды и отцы!... И вотъ такія то племена отдѣляли Закавказье отъ Россіи сплошнымъ поясомъ въ 200—250 верстъ ширины, и мы не имѣли другихъ сообщеній съ нашими новыми владѣніями, какъ черезъ этотъ непріязненный край. Естественно, что только оружіемъ можно было обуздать горскія племена.

Словомъ, *чтобы владѣть Закавказьемъ, надо было покорить Кавказъ.*

Исполненіе же этого дѣла въ началѣ было несравненно легче, нежели потомъ, когда время и обстоятельства на Кавказѣ неожиданно перемѣнились. Въ началѣ вѣдь непокорныя горы состояли изъ одной восточной группы, западный же Кавказъ номинально

принадлежалъ еще Турціи и достаточно охранялся жившими на пограничной чертѣ Черногорскими и Линейными казаками, не отвлекая нашихъ силъ. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія между горскими обществами не существовало никакой политической связи, какъ не существовало мусульманскаго фанатизма, и совѣсть ихъ не тревожилась, признавая власть гяуровъ. Наконецъ и сила регулярнаго оружія особенно артилерійскаго противъ людей, не видавшихъ ничего подобнаго, на первыхъ порахъ была неотразима. При такомъ положеніи затрудненіе состояло въ безконечномъ раздробленіи, какъ говоритъ Р. Гадеевъ,—театра военныхъ дѣйствій на отдѣльныя клѣтки, требующія каждая самостоятельной операціи. Какъ бы ни было слабо сопротивленіе непріятеля въ такой загромажденной мѣстности какъ Кавказская, нельзя дѣлать прыжка черезъ нѣсколько клѣтокъ вдругъ. Чтобы перевалиться изъ одной завоеванной долины въ сосѣднюю, черезъ едва проходимый горный хребетъ, нужно занять прочно первую, перенести въ нее самое основаніе приготавливаемой экспедиціи, иначе походъ будетъ только набѣгомъ, а какихъ результатовъ можно ждать отъ набѣга въ странѣ, гдѣ цѣлый день надо лѣзть на одну гору, останавливаясь поминутно, чтобы перевести дыханіе?!

Идти впередъ—значило на Кавказѣ подвигаться постепенно, прочно занимая каждую долину, для чего нужно было одно изъ двухъ: или много силъ, или много времени. При первомъ условіи мы могли дѣйствовать безостановочно, подаваясь со всѣхъ сторонъ отъ окружности къ центру; при второмъ условіи надо было ждать, чтобы вновь покаряемые общества привыкли къ нашей власти, обратились бы въ послушныхъ данниковъ, и тогда только, не боясь уже за свой тылъ, предпринимать дальнѣйшее завоеваніе. Въ ту пору предпочли положиться на время, а между тѣмъ содержаніе войскъ на Кавказѣ стоило вдвое дороже, чѣмъ въ Россіи.

Поэтому Кавказскій корпусъ былъ оставленъ въ прежнихъ силахъ, несмотря на сотни тысячъ русскихъ солдатъ, возвратившихся изъ заграницы. 45 тыс. человекъ должны были дѣйствовать въ одно и то же время наступательно и оборонительно противъ враждебной страны въ 1,000 верстъ длиною; охватывая ее съ обѣихъ сторонъ.

При такихъ условіяхъ дѣйствія съ нашей стороны не могли быть рѣшительными, несмотря на раздробленность непріятеля.

Ермоловъ и его система покоренія Кавказа (1816—1826 гг.).

9-го апрѣля 1816 года командиромъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, но уже съ титуломъ главнокомандующаго, былъ назначенъ на мѣсто Ртищева генер.-лейт. Алексѣй Петровичъ *Ермоловъ*, одинъ изъ выдающихся и прославившихся героевъ Отечественной войны, герой Бородина, Кульма и Парижа. Онъ прибылъ на Кавказъ 39-ти лѣтъ отъ роду, въ разцвѣтѣ силъ и таланта. Простота въ обращеніи, заботливость о нижнихъ чинахъ и строгая справедливость сдѣлали его кумиромъ солдатъ. Желѣзная воля, молніеносная быстрота дѣйствій, суровость, доходящая до жестокости, заставили вольныхъ горцевъ скоро трепетать при одномъ имени «Ермуду—сарьдара».

Въ непреступныхъ до селъ аулахъ, матери пугали дѣтей именемъ грознаго вождя. «Горы дрожатъ отъ гнѣва его, а взоръ разсѣкаетъ какъ молнія»,—пѣли обитатели заоблачныхъ высотъ. Сама природа, казалось, склонилась предъ гениемъ и волею необыкновеннаго человѣка. Непроходимые лѣса, такъ хорошо защищавшіе свободу горъ, пали подъ русскими топорами по мановенію главнокомандующаго. Широкія просѣки легли тамъ, гдѣ нога человѣчeskая еще не ступала.

Не даромъ нашъ вдохновенный поэтъ А. С. Пушкинъ воскликнулъ:

«Смирись Кавказъ—идеть Ермоловъ».

Ермоловъ начерталъ себѣ ясную, опредѣленную программу дѣйствій и поставилъ себѣ задачу *не временное умиротвореніе*, а полное завоеваніе Кавказскихъ горъ.

«Кавказъ,—говорилъ онъ,—это огромная крѣпость, защищаемая полумилліоннымъ гарнизономъ. Надо штурмовать ее или овладѣть [траншеями. Штурмъ будетъ стоить дорого, такъ поведемъ же осаду». И осада была поведена имъ съ двухъ сторонъ—со стороны Чечни и Дагестана.

Главное вниманіе Ермоловъ обратилъ на Кавказскую линію, станицы которой безпрестанно подвергались нападеніямъ Чеченцевъ.

«Смирить Чеченцевъ надобно необходимо,—всеподданнѣйше доносилъ Ермоловъ,—но мѣры на то *должны* быть совсѣмъ другія, *нежели до сего времени*. Прежде войска наши ходили къ нимъ,

Алексеѣ Петровичъ Ермоловъ.

Род. 1776 † 1861.

(Изъ коллекціи П. П. Потоцкаго).

Копія съ портрета Ермолова, писаннаго извѣстнымъ художникомъ Г. Дау. Оригиналъ находится въ Военной Галереѣ Зимняго Дворца. Портретъ этого гравированъ Г. Рейтъ. Пушкинъ, видѣвшій Ермолова уже въ опалѣ, въ то время, когда онъ проживалъ въ Орлѣ, описывая его наружность, говоритъ, что когда Ермоловъ задумывался и хмурился, то онъ становился прекрасенъ и разительно напоминалъ этотъ поэтическій портретъ.

П. Потоцкій.

въ землю неизвѣстную, по мнѣнію почти неприступную, туда, гдѣ весь народъ соединялся для защиты женъ, дѣтей и собственности. Надобно оставить намѣреніе покорить ихъ оружіемъ, но отнять *всѣ средства къ набытамъ и хищничеству*. Надобно *занять Сунжу и по теченію ея устроить крѣпости*: тогда Чеченцы, стѣсненные въ своихъ горахъ, лишатся земли, удобной для воздѣлыванія, и пастбищныхъ мѣстъ, на которыхъ въ зимнее время укрываютъ стада свои отъ жестокаго въ горахъ климата».

Подъ именемъ Чечни извѣстно было обширное пространство, ограниченное на сѣверѣ р. Терекомъ до впаденія въ него Сунжи; на югѣ она примыкала къ Индійскому и Передовому хребтамъ, гдѣ граничила съ Грузіей и Нагорнымъ Дагестаномъ; а на западѣ и востокѣ соприкасалась съ Кабардою и Кумыкскими владѣніями.

Главнѣйшее же значеніе Чечни заключалось въ томъ, что она своими богатыми горными пастбищами, дремучими лѣсами, среди которыхъ раскинулись фазисы воздѣланныхъ полей, съ равнинами, орошенными множествомъ рѣкъ,—служила житницей бесплоднаго и каменистаго сосѣдняго съ нею Дагестана. Вотъ почему только полнымъ господствомъ надъ Чечней можно было принудить къ покорности воинственные народы Восточнаго Кавказа.

Лѣсистый и крайне пересѣченный характеръ театра войны выработалъ у чеченцевъ своеобразные тактическіе приемы. Дерзкіе при наступленіи, они были еще отважнѣе при преслѣдованіи, но не имѣли стойкости, чтобы выдержать правильный бой.

Въ своихъ дремучихъ лѣсахъ и горныхъ тущобахъ они являлись страшными противниками. Чеченцы, какъ тигры, беспощадны и быстры, и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить истребленіе,—такъ говорилъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ героевъ Кавказской войны генераль Пассекъ. Въ Чечнѣ непріятель невидимъ, говорилъ онъ, но вы можете встрѣтить его за каждымъ изгородомъ, кустомъ, въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли нашъ, гдѣ стоитъ отрядъ; сзади, съ боковъ вездѣ непріятель. Нашъ отрядъ, какъ корабль, все разрѣжетъ, куда не идетъ, не оставитъ слѣда, гдѣ прошелъ.

Таковъ былъ театръ войны, таково было воинственное племя, трудную задачу покоренія которыхъ поставилъ себѣ Ермоловъ. До него мы держались оборонительной политики, изрѣдка посылая карательныя экспедиціи, для обузданія слишкомъ дерзкихъ обществъ и ихъ правителей.

Эти экспедиціи не имѣли ни системы, ни общаго плана, а потому смиряли горцевъ только на время. Но проходила гроза, и они вновь принимались за свое ремесло—грабежи и убійства.

Ермоловъ же перешелъ къ наступленію.

Государь одобрилъ предположеніе Ермолова, и съ тѣхъ поръ начинается новый періодъ систематическихъ дѣйствій для покоренія горскихъ народовъ.

Смотря на весь Кавказъ, какъ на огромную крѣпость, защищенную полумилліоннымъ населеніемъ, Ермоловъ и принялъ совершенно правильную систему медленной осады. Ермоловъ медленно наступалъ, но за то никогда не отступалъ, ибо онъ отлично понималъ, что главный союзникъ горцевъ и самый страшный врагъ для русскихъ, это—суровая природа недоступныхъ горъ и дремучихъ лѣсовъ Кавказа. Поэтому главныя усилія Ермолова и были направлены прежде всего на борьбу съ природой и подчиненіе ея волѣ человека. Онъ началъ съ того, что перенесъ передовую линію съ Терека на Сунжу.

Ранней весною 1818 г. въ станицѣ Червленной на Терекѣ былъ собранъ отрядъ для военныхъ дѣйствій на Сѣверномъ Кавказѣ, который 25-го мая, переправившись черезъ Терекъ, прибылъ на Сунжу, противъ выхода въ Ханкальское ущелье. Здѣсь Ермоловъ намѣтилъ построить крѣпость, которой волею судьбы пришлось сыграть видную роль во всѣхъ дальнѣйшихъ событіяхъ Кавказской войны.

Сборъ отряда въ Червленной и движеніе его на Сунжу сильно встревожило немирныхъ Чеченцевъ, и они дѣятельно стали укрѣпляться, полагая, что русскіе, какъ прежде, пойдутъ на проломъ, будутъ гоняться за ними по лѣсамъ, штурмовать завалы и нести большія потери.

Между тѣмъ, на этотъ разъ они ошиблись, войска разбили лагерь надъ самою Сунжею и дальше не двигались... Здѣсь именно 10-го іюня, послѣ торжественнаго молебствія, при громѣ пушекъ была заложена крѣпость о шести бастіонахъ, названная Ермоловымъ «Грозною», которая до самаго конца Кавказской войны сохранила за собою ту выдающуюся роль, которая предназначена была ей Ермоловымъ. Такъ вѣрно опредѣлилъ онъ ея стратегическое значеніе.

Тогда Чеченцы поняли опасность имъ угрожавшую. Ермоловымъ, такимъ образомъ, была заложена «первая параллель», и на-

чалась осада громадной крѣпости, созданной на Кавказѣ самой природою.

Чеченцы готовились къ отчаянной защитѣ; не имѣя достаточныхъ силъ и средствъ, чтобы напасть на русскій лагерь, они повели противъ него партизанскую войну, болѣе опасную и тяжелую, чѣмъ открытыя нападенія.

Начавъ заложениемъ крѣпости «Грозной», Ермоловъ постепенно сдавливалъ желѣзнымъ кольцомъ непріятеля, причемъ ни бѣшеная храбрость горцевъ, ни религіозный фанатизмъ, ни мужество отчаянія не могли прорвать эту неумолимую, какъ рокъ, преграду. Недаромъ поэтъ характеризовалъ

...«И ты, Ермоловъ незабвенный,
Россіи—слава. горцамъ—страхъ,—
Чье имя, какъ завѣтъ священный,
Штыками врѣзано въ горахъ»...

Прежняя, существовавшая до него, система подкупа и задариваній въ его рукахъ смѣнилась системою строгихъ мѣръ, доходившихъ до жестокости, но всегда неизмѣнно соединенныхъ съ правосудіемъ и великодушіемъ. И тогда эти мѣры были и своевременны, и разумны.

«Хочу»,—говорилъ однажды Ермоловъ,—чтобы *имя* мое стерегло страхомъ наши границы крѣпче цѣпей и укрѣпленій, чтобы *слово* мое было для азіатцевъ закономъ, вѣрнѣе неизбѣжной смерти. Снисхожденіе въ глазахъ азіатцевъ—знакъ слабости, и я прямо изъ *человѣколюбія* бываю строгъ неумолимо: одна казнь сохранить сотни русскихъ отъ гибели и тысячи мусульманъ отъ измѣны».

Въ этихъ словахъ—вся система Ермолова.

Хотя съ устройствомъ Грозной мы и стали твердою ногою на Сунжѣ, но надо было проложить свободный путь въ самыя нѣдра чеченскихъ земель. Эти то лѣса, гдѣ каждый шагъ оплачивался кровавыми жертвами, стояли грозной стѣной, и Чеченцы чувствовали себя за ихъ прикрытіемъ въ безопасности. Прорубить широкія просѣки въ лѣсахъ, вотъ мѣра, которая по мнѣнію Ермолова и его талантливаго начальника штаба Вельяминава, должна была привести къ окончательному покоренію Чеченцевъ. Одновременно съ приведеніемъ въ исполненіе этой мѣры, велись работы на Кумыкской плоскости, гдѣ были построены два укрѣпленія «Герзель-ауль» и «Горячеводскъ».

Такъ положено было начало покоренія Чечни.

Дагестанъ ко времени прибытія Ермолова былъ окруженъ нашими владѣніями съ сѣвера и юга и оставался открытымъ со стороны Чечни, считавшейся житницей горь. Уже первые слухи о заложеніи Сунженской линіи заставили встрепетнуться дагестанскихъ владѣтелей; они собрались на общее совѣщаніе, на которомъ и постановили образовать союзъ народовъ для борьбы съ Россіей. Во главѣ этого движенія сталъ Ахметъ-Ханъ Аварскій и старшій братъ его Гассотъ-ханъ Мехтулинскій, и къ нимъ примкнули ханства Казикумыкское, вольное Акушинское общество и владѣнія, прилегавшія къ морю Каракайтагъ и Табасаранъ. Возстаніе охватило обширную площадь.

Ермоловъ понималъ опасность надвигавшейся грозы со стороны Дагестана и рѣшилъ дѣйствовать одновременно противъ него и Чечни. И дѣйствія его въ Дагестанѣ отличались еще большею рѣшимостью и быстротою нежели въ Чечнѣ. Онъ началъ съ того, что зимою 1818 года, пройдя черезъ Шамхальство, разгромилъ Мехтулу и обратилъ ее въ простое русское приставство. Въ слѣдующемъ году покорены Табасаранъ и Каракайтагъ, а бой подъ Левашами, сокрушивъ могущество сильнаго и воинственнаго акушинскаго народа,—рѣшаетъ судьбу Сѣвернаго Дагестана. Еще годъ—и перестаетъ существовать независимое Казикумыкское ханство. Такъ послѣдовательно, все тѣснѣе и тѣснѣе сжималось желѣзное кольцо вокругъ недоступныхъ дагестанскихъ горь, и племена ихъ, истощенныя въ непосильной борьбѣ, на долгое время замолкли.

Обуздавъ Чечню и Дагестанъ, Ермоловъ окончательно смирилъ Кабарду, прорѣзавъ ее цѣлою линіею укрѣпленій, а съ проложениемъ Военно-Грузинской дороги, связавшей кратчайшимъ путемъ Россію съ Закавказьемъ, владычество русскихъ на Сѣверномъ Кавказѣ утверждается такъ прочно, что даже роковой 1825 годъ, когда Дагестанъ, Чечня и Кабарда единовременнымъ, кровавымъ бунтомъ пытались низложить цѣпи, наложенныя на нихъ Ермоловымъ, уже ничего не могъ измѣнить въ судьбѣ этихъ народовъ. Усмиреніе было быстро и рѣшительно. Продлилось пребываніе Ермолова еще хоть 10—15 лѣтъ, и Кавказъ былъ бы покоренъ 30 годами раньше и безъ тѣхъ громадныхъ затратъ и потерь людьми и деньгами, которыхъ намъ стоило окончательное покореніе Кавказа въ 1859 году.

Трудная задача, выполненная Ермоловымъ, требовала, конечно, и соотвѣтствующихъ силъ, но наличныхъ военныхъ силъ, находившихся въ то время на Кавказѣ, было недостаточно для выполне-

ніа плановъ Ермолова. Но за то онъ нашель эти силы въ качествѣ Кавказскихъ солдатъ, въ ихъ замѣчательно высокомъ нравственномъ духѣ, въ глубокой любви къ нему—своему обаятельному главнокомандующему—полководцу.

Ермоловъ отлично понималъ, что побѣда бываетъ всегда результатомъ нравственнаго единенія вождя съ предводимыми и что любовь и довѣріе солдата къ своему полководцу есть великая сила. и потому то имъ такъ много и положено было заботы на то, чтобы воспитать солдата въ духѣ войны, облегчить всегда сопряженное съ тяжестями положеніе его, поднять высоко личность каждаго изъ нихъ, и въ своихъ приказахъ Ермоловъ солдатъ называлъ своими товарищами.

Требуя отъ войскъ невѣроятныхъ трудностей, то поднимая ихъ въ заоблачныя выси, гдѣ лѣтомъ солдаты дрожали въ снѣгу отъ холода, то ведя ихъ за собой въ знойныя степи, Ермоловъ платилъ своимъ соратникамъ горячей любовью.

Но наступилъ 1826 годъ и съ нимъ переломъ и въ жизни Кавказа, и въ жизни Ермолова... Обстоятельства вдругъ неожиданно перемѣнились, и «надъ неуязвимымъ до того Ермоловымъ начала собираться грозная туча»...

Въ іюнѣ мѣсяцѣ персіане внезапно вторглись въ русскіе предѣлы, мусульманскія провинціи возстали. Опасность, угрожавшая Грузіи, естественно заставила обратить всѣ силы туда и оставить дѣла на Сѣверномъ Кавказѣ до болѣе благопріятнаго времени. Между тѣмъ и въ горахъ уже становилось не спокойно: тамъ зрѣлъ мюридизмъ, являлись признаки новой невѣдомой силы, и предвѣстники грядущей бури становились все ярче и неупержимѣе.

Нашъ талантливый историкъ «Кавказской войны», В. А. Потто, говоритъ, по этому поводу, что *«быть можетъ никогда такъ не былъ нуженъ Кавказу Ермоловъ какъ въ это время»*, но судьба распорядилась иначе: Ермоловъ долженъ былъ оставить Кавказъ, такъ какъ на его мѣсто былъ назначенъ Паскевичъ.

Ермоловъ палъ. Но сѣдыя вершины Кавказа и понынѣ хранять память о доблестномъ вождѣ, — «чье имя», по словамъ поэта, «какъ завѣтъ священный, штыками врѣзано въ горахъ». Ермоловъ сошелъ со сцены Кавказскихъ войнъ 28-го марта 1827 г. въ самую цвѣтущую пору своей жизни, когда ему не было еще 49 лѣтъ отъ роду.

«Тихо потекли долгіе годы его жизни въ Москвѣ», — говоритъ историкъ В. А. Потто, — «среди всеобщаго почета и уваженія, ко-

торымъ окружали его русскіе люди, а имя его продолжало жить на Кавказѣ, и горцы такъ высоко цѣнили его, что когда плѣннаго Шамиля, спросили въ Москвѣ, что онъ желаетъ видѣть? Онъ отвѣтилъ: «*прежде всего Ермолова*»... И два исполина Кавказа свидѣлись и дружески протянули другъ другу руки».

«Предъ нимъ, за нимъ нѣтъ пышныхъ титулъ,
Не громкожь онъ среди гордой знати,
Но за него усердный гласъ молитвъ
Непобѣдимой русской рати».

Жуковский (къ портрету Ермолова).

«Годы бездѣйствія однако не затмили народнаго героя», говоритъ тотъ же историкъ, — «и величавый образъ его, на время отѣсненннй обстоятельствами, все ярче и ярче начинаетъ выступать передъ современниками. Чувства, которыя одушевляли тогда общество, прекрасно выражены слѣдующими стихами неизвѣстнаго поэта:

«Хоть дѣлъ великихъ окончанья
Рукою ты не довершилъ,
Но духъ твой изъ глуши изгнанья
Другихъ къ побѣдамъ предводилъ.
Свершить—тебѣ не дали времени,
Но всюду тамъ твои слѣды;
Тобою брошеннаго сѣмени
• Россія собереть плоды».

И, дѣйствительно, — замѣчаетъ В. А. Потто, — современники знали, кто былъ истиннымъ виновникомъ громкихъ побѣдъ и въ Персіи, и въ Азіатской Турціи...

А. Баратовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

